

— Мин Джун-сама. В этом доме нельзя носить ничего, кроме белого и чёрного. У Тома хотя бы серый добавлен.

— И почему так?

— Это приказ Дайки-сама.

— Чёрт, чёрт побери... Эм, нет, Тома, это... «уран» такой элемент есть. Это вовсе не ругательство.

Когда Мин Джун выругался по-корейски, Тома с сияющими глазами посмотрел на него. Мин Джун, смутившись, бросил взгляд на Кэнта, и тот, к удивлению, беззвучно подсказал: «уран».

— Понял. Уран. Тома теперь знает.

— Спасибо, Кэнта. Нет, подождите, мне нельзя втягиваться. Хотя спасибо, что подсказали... Но как вы думаете, Кэнта, нормально ли, что моему Томе, которому всего три года, приходится рисовать чёрным цветом, хотя в мире полно красок?

— Это...

— Так быть не может. Даже у какашек есть цвет, а шкаф у ребёнка будто похоронный салон! Надо, чтобы он видел разные оттенки. Пожалуйста, исправьте это.

— Минджун-сама, если Дайки-сама один раз отдал приказ, он становится непреложным законом. Здесь это так.

Кэнта и сам переживал за Тому, но догадывался, почему босс отдал такой приказ, и отступить не мог.

— А вы хотите, чтобы, когда Тома подрастёт и друзья спросят: «Какой твой любимый цвет?», он ответил: «Чёрный»? Это же ненормально! Я всё думал, отчего у меня такое уныние... А ведь всё из-за этой серости вокруг!

Кэнта слушал с каменным лицом, но на слове «уныние» чуть не спросил «С чего бы?». Однако признал, что в словах Мин Джуна есть доля правды, и не решился возражать. Он замешкался, и Мин Джун тут же воспользовался паузой.

— Тогда хотя бы, когда Дайки нет дома, позвольте носить другое. Я хочу показать Томе красоту цветов. Какой же он чудесный ребёнок!

Мин Джун обхватил лицо Тома и поднёс его к Кэнте. Тома, подражая, тоже округлил глаза и сделал милую гримаску. Из уст Кэнты вырвался почти восхищённый вздох.

— Хотите, чтобы ребёнок вырос, зная только чёрный?

— Да. Тома только чёрный знает.

— Если это будет между отъездом и возвращением Дайки-сама...

— Правда? Отлично! Тогда пошли по магазинам?

— Магазин? Тома тоже пойдёт в магазин!

— Это нельзя. Только онлайн-шоппинг. У Дайки-сама есть торговый центр в Синдзюку. Если закажете оттуда, всё сразу доставят.

— Син...дзюку у него «район»? Так он там дань... кхм, то есть собирает подати? (Это налоги)

Мин Джун решил, что, как любой якудза, они вымогают деньги с торговцев. Хотя по виду Дайки вовсе не походил на того, кто способен кого-то запугивать.

— Минджун-сама.

— Да?

— Похоже, вы ошибаетесь. Скажу прямо: Дайки-сама не занимается такими бандитскими делами. Уэяма защищает торговлю Токио, не даёт чужим якудза хозяйничать в городе и...

— Да ладно? За спасибо, что ли? Хоть копейку да берёте. Такой роскошный дом же не с неба упал.

Кэнта понял, что пытался зря развеять предубеждения Мин Джуну о якудза, и замолчал. Сказав, что принесёт планшет, он вышел.

А Мин Джун, обняв Тому, закружился, ликуя. Он всегда любил моду, и возможность вдоволь пошоппиться вновь наполнила его радостью. Он решил ни в чём себе не отказывать. Пусть даже выхода «в свет» не будет, но можно же переодеться с Томой в одинаковые наряды хоть по три-четыре раза в день.

Увлечение Мин Джуну передалось и Томе. Тот завёлся, радостно тряс попкой и визжал. В такие минуты он всегда особенно активно двигался.

Заказы, сделанные ими с Томой, начали поступать уже к вечеру. В основном это были парные свитшоты, джинсы и даже новый комплект постельного белья для детской.

Получив первую посылку, Мин Джун тут же надел на Тому жёлтый свитшот. Тома, закричав «Крёён!», умчался в кабинет и притащил сумку с цветными карандашами.

— Это крёён! У Тома есть жёлтый крееён, мама!

— Тогда и мама будет с жёлтым.

Мин Джун снял белую рубашку и надел такой же жёлтый свитшот. Увидев, что на нём теперь такая же одежда, Тома запрыгал и потом прижался щекой к Мин Джуну. Для Тома это было чудом — впервые он носил яркую вещь. Он прикладывал к свитшоту жёлтый карандаш и радовался. Мин Джун волновался, что совершает опасный поступок, но, видя счастье Тома, решил, что всё оправдано.

— Тома, может, сегодня в одинаковых футболках и поужинаем?

— Угу! Вме-е-сте, в жёлтой одежде!

Мин Джун крепко обнял улыбающегося сына и передел его ещё и в модные рваные джинсы.

За ужином впервые за долгое время царил смех. Тома был так рад, что топал ножками, уплетая за обе щёки нарезанный Мин Джуну гамбургер. Всё повторял «крееён», и Мин Джун подхватывал, напевая в такт.

А тревога началась, когда громила Хакуто, ужинавший вместе с ними, наклонился к Кэнте и что-то шепнул. Тот резко посерьёзnel и бросил взгляд на Мин Джуна.

— Что такое? Что случилось? — спросил Мин Джун, нарезая Томе котлету.

— Вам лучше сейчас переодеться.

— Зачем?

— Босс... он уже здесь. На первом этаже.

У Мин Джуна кусок гамбургера чуть не вылетел обратно — сердце забилось так, что казалось, еда в желудке перекачивается от толчков. Он посмотрел на сияющего Тому и понял: сказать ему «переоденься» просто невозможно.

«Ну не убьёт же он нас за жёлтую футболку?» — решил Мин Джун, впервые за долгое время проявив упрямство.

— Мы закончим ужин. Уже почти всё. Не убьёт же он нас за это.

— Кто кого убьёт? — раздался позади ледяной голос.

Мин Джун задрожал. Если бы он не напряг живот, случилась бы куда более позорная беда.

Дайки медленно обошёл его и остановился напротив. Сначала он глядел на лица, потом перевёл взгляд ниже, и, наклонив голову, заметил под столом рваные джинсы. Его идеальные брови дёрнулись. Он увидел ножки Томы, топавшие из-под стола, и сквозь прорехи на джинсах — его колени, будто улыбающиеся.

Подняв взгляд, Дайки пронзил Мин Джуна.

— Что ты сделал с моим сыном?

— Э-э... П-просто дети в этом возрасте... у них формируется ц-цветовое восприятие, а одни только белый и чёрный...

— У тебя язык дрожит? Говори нормально.

Мин Джун, запинаясь и вибрируя голосом, вызвал у босса раздражение. Но ради Томы тот не стал кричать.

— Это ради правильного развития восприятия. Томе очень понравилось. Правда, Тома?

— Угу! Очень! Папа, Тома — крееён! Жёлтый крееён! Теперь зови меня так, понял?

Взгляд Дайки превратился в острые дротик и впился в Мин Джуна. Ему даже показалось, будто в местах, куда упал этот взгляд, кольнула настоящая боль.

— Сейчас мой сын называет себя карандашом. Я ослышался?

— Да нет же, просто в этом возрасте у детей воображение лучше всего работает. Я, например, до пяти лет думал, что я карандаш. Голова чёрная — и всё тут...

— Немедленно переоденься.

От такой поразительной реплики Мин Джуна Дайки не выдержал и в конце концов закричал. Тома так испугался, что разрыдался.

— Папа плохой! Не кричи на маму!

Мин Джун вытер слёзы Тома и крепко прижал его к себе.

— Всё в порядке, Тома. Мама ведь решила выдержать всё ради тебя. Думаю, папа уже сейчас об этом жалеет.

— Кэнта. Уведи Тому в комнату.

— Господин Дайки, Мин Джун ведь ничего...

— С тобой я потом поговорю. Уводи.

Кэнта винил себя за то, что не сумел удержать Мин Джуна, и уже был готов взять всю вину на себя, но Дайки решительно пресёк его слова.

— Почему? Зачем? Не надо так! Я против домашнего насилия! Вы что, хотите отправить Тому, а потом меня избить? Не хочу!

Мин Джун, крепко прижимая Тому к себе, будто это была его последняя надежда на жизнь, изобразил солдата, окружённого со всех сторон врагами, и лишь вертел глазами. Но он ясно понимал: ни Кэнта, ни Ицуки, ни Хакуто, даже Рен — никто не сможет остановить Дайки. Поэтому он только сильнее обнял Тому. Тома, уже перестав плакать, неожиданно стал похлопывать Мин Джуна по спине.

В кабинете Дайки Мин Джун старался держаться как можно дальше от него и встал прямо у двери, теребя край своей жёлтой толстовки и косо поглядывая.

Чёрт, да я даже дома так не робею, а вот при одном Дайки сразу начинаю мяться. Ну зачем он ещё и таким красивым родился? С такой внешностью и таким характером — это же нечестно.

Дайки несколько раз прокрутил в руках золотой портсигар, потом положил его на стол и перевёл взгляд на Мин Джуна, который держался за дверную ручку, готовый в любой момент сбежать.

— Говори, если есть что сказать.

— Э-э, ничего нет.

У Мин Джуна снова сработала «автовибрация», и он шлёпнул себя по губам.

Чёртова пасть, что ты несёшь? Как это — "ничего нет"? Тут и ночи не хватит, чтобы всё высказать.

— Это что сейчас было? — нахмурился Дайки, заметив, как Мин Джун ударил себя по губам.

— Да это... у меня всё время вибрация включается, вот я и выключил переключатель.

— Чего?!

Дайки посмотрел на него с таким видом, будто тот превзошёл сам себя в глупости, и покачал

головой. И даже в этот миг, когда идеально собранный Дайки качал головой с выражением крайнего недоумения, сердце Мин Джуна бешено колотилось. Он был слишком притягателен. Мин Джун не мог устоять перед исходящей от него аурой сексуальности, от которой кружилась голова.

Дайки ненадолго замолчал, будто ему захотелось закурить, но вместо того, чтобы взять портсигар, сунул руку в карман брюк.

— Для Тома и так всего достаточно. Не лезь слишком глубоко.

Эти слова обрушились на Мин Джуна тяжким грузом. Люди ведь не роботы, и чувства не отключишь по щелчку. Для Мин Джуна это прозвучало так, словно ему разрешают только на время «играть роль мамы» и немного развлечь ребёнка. Он едва сдержал нахлынувшие эмоции. Сражаться с таким противником бессмысленно — головой он это понимал, но язык уже стрелял словами сам собой.

— То есть я должен просто отвечать, когда Тома зовёт меня «мамой», и только играть с ним?

— Что?

— Именно так! А я ведь считаю его своим милым сыном. Да я ради Тома даже червяка возьму в руки! Обычно я без шерсти или с насекомыми — никак, даже дотронуться не могу. Однажды до червяка дотронулся — и на полдня в обморок! Но ради Тома — могу!

Он даже ударил себя в грудь, подтверждая сказанное.

— А вы говорите: только играть... Я что, игрушка? Робот, что ли?! Когда живёшь с ребёнком, обязательно рождается взаимное чувство, вы влияете друг на друга. Это вы, Дайки-сан, думаете, будто Тома — просто ваша собственность!

Говорил он отчётливо, почти как автомат, но внутри трясся от ужаса, и в глазах уже темнело. Когда головокружение стало невыносимым, он в панике зажал себе рот обеими руками.

Дайки вышел из-за стола и направился к Мин Джуну. Тот обернулся — отступать больше некуда. Если Дайки ударит, останется только выскочить в дверь. Но рядом нет никого, кто мог бы остановить его. От этой мысли ноги задрожали.

Уже через мгновение Дайки возвышался над ним, почти обнимая его собой. Мин Джун чувствовал одновременно страх и упоение тонким ароматом бергамота, исходящим от него. Ему даже захотелось сойти с ума и просто прижаться к нему.

Погрузившись в эти ненормальные фантазии, он заметил, как Дайки опёрся рукой о стену, загнав его между собой и дверью. Почувствовав близкое тепло, Мин Джун вскрикнул и съехал вниз, садясь прямо на пол. Сложив руки в мольбе, он заговорил:

— Простите! Правда, простите! Я сам не управляю своим ртом. Будто он живёт отдельно от меня! Пожалуйста, пощадите! Наверное, я сошёл с ума!

И неожиданно Дайки опустился перед ним на одно колено. Его пальцы приподняли лицо Мин Джуна. Заплаканное, красное от слёз лицо всхлипнуло и встретило взгляд Дайки.

— Ты боишься меня?

Мин Джун не смог ответить словами и только кивнул, всё ещё в его руках. Дайки долго смотрел на него, потом тяжело выдохнул и произнёс:

— Синий разрешаю.

— Что...?

— Говорю, синий цвет тебе разрешаю. В одежде.

Сказав это, он будто сам остался недоволен, резко отпустил его лицо и вскочил, уходя к столу.

— Только... один? А жёлтый?

— Только синий. Уходи.

— Это что же, как смурфик, только в синем? Ладно, устрою вам весь гардероб синий!

Не понимая, какой огромной уступкой было для Дайки позволить хотя бы этот один цвет, Мин Джун пробормотал по-корейски, чтобы тот не понял. Но вдруг заметил, что Дайки взял в руки дротик со стола. В ту же секунду он рванул к двери и выскочил в коридор. Сразу же за закрывшейся дверью раздался звук «тата-та», будто дробинки вонзились в стену.

Хотя у Мин Джуна особых привычек во сне не было, обычно он спал так крепко, что хоть на руках уноси — не проснётся. Но с тех пор, как начал спать вместе с Томой, он стал чутко реагировать на движения ребёнка. Стоило тому что-то пробормотать во сне, как Мин Джун тут же открывал глаза.

Тома, который спал беспокойно и крутился всю ночь, иногда даже пинал Мин Джуна в лицо. Но в такие моменты тот спал как убитый. А вот на голос Тома реагировал мгновенно.

Услышав где-то детский плач, Мин Джун распахнул глаза так резко, словно кто-то дёрнул его за руку. Из-за того, что Тома не мог спать в темноте, на тумбочке горела лампа, мягко освещая кровать. Мин Джун приподнялся и посмотрел в сторону часов — там мирно спал Тома. Казалось, всё в порядке, и Мин Джун снова опустил голову на подушку.

Но тут вновь послышалось:

— Уу... страшно...

Мин Джун испуганно вскочил и наклонился над Томой. Лицо мальчика было сморщено, а на ресницах в свете лампы блеснули капельки. Он плакал. В бреду, ворочаясь, Тома шептал:

— Страшно... уйди...

Мин Джун решил разбудить его и осторожно потряс, чтобы не напугать.

— Томочка, это сон. Всё хорошо. Проснёшься — и страх уйдёт. Откроешь глазки?

— Уу... му-у страшно...

— Тома, проснись. Мама всех обидчиков отругает.

— Мама...

Большие глаза медленно открылись. Они были ещё сонные, но полны ужаса. Мин Джун обнял мальчика и тихо успокаивал:

— Всё хорошо. Теперь всё хорошо. Моему Томочке совсем не страшно, правда?

Маленькие ручки обвили его шею с такой силой, будто это был вовсе не ребёнок. Мин Джун прижал сына к себе и гладил мокрую спинку. Он вспомнил, как и сам в детстве видел кошмары. И даже взрослым всё ещё иногда страдал от них. Кошмары оставались такими же неприятными. Он не хотел, чтобы Тома запомнил этот страх.

— Мама... му-у сделал «му-у»...

— Правда? Му-у сделал «му-у»? Ну мама его накажет.

Мин Джун не понимал, что именно имел в виду ребёнок, но твёрдо пообещал наказать. Раз Тома так плачет, значит, «любить» тут точно не уместно.

— Понял. Я его накажу.

Успокаивая всё ещё всхлипывающего Тому, Мин Джун впервые почувствовал не только умиление, но и колющую боль в груди. Обычно он видел в Томочке лишь милоту, нежность, любовь, но теперь сердце сжалось от жалости. Он крепко прижал ребёнка к себе, не переставая гладить его головку и спину.

Немного успокоившись, Тома указал на дверь в комнату Дайки.

— Мама, я к папе хочу.

— Да, к папе... что?! К папе? Но ведь сейчас ночь, он спит.

— Хочу к папе...

— Ладно-ладно, не плачь. Пойдём. Надеюсь, он не вышвырнет меня, если я приду с его сыном.

При мысли, что увидит спящего Дайки, у Мин Джуну пересохло в горле. Он сглотнул. Тут же Тома, заметив движение кадыка, ткнул его пальчиком.

— Мама «глоть-глоть» сделал?

— Э? А... ну да, что-то в горло пересохло. Ну что, идём к папе?

— Угу.

— Но обещай: что бы ни случилось, не оставляй маму. Ты мой ангел-хранитель.

— Хорошо. Если папа будет «ррр», я его побью.

Мин Джуну казалось чудом, как ребёнок понимает его без всяких объяснений. Вот что значит настоящая связь.

Он взял Тому на руки и открыл дверь в комнату Дайки. Постоял в нерешительности у входа, потом крепко зажмурился и вошёл. Мягкий свет освещал спальню. Первое, что бросилось в

глаза Мин Джуну, — обнажённая грудь Дайки. Даже в полумраке чётко вырисовывались его мышцы. Тело Мин Джуна, держащего Тому, задрожало. Раньше он уже видел Дайки полностью голым, но беззащитный образ спящего действовал куда сильнее.

Учащённое дыхание привлекло внимание Тома — он зажал маме ноздри.

— Мама «фыр-фыр» делает?

— Кх! Тома, руку убери.

Когда мальчик послушно убрал пальцы, Мин Джун шумно вдохнул и тут же, потеряв равновесие, чуть не уронил ребёнка на кровать, сам падая вперёд.

— Что за... ты... Тома?

— Папа, это я, Тома. Если на маму накричишь — я тебя побью!

— Что здесь происходит?

— Объясню, только отпустите руку.

Дайки так сильно тянул его, что Мин Джун вместе с Томой повалился прямо на его грудь. Тогда Дайки отпустил Мин Джуна и прижал к себе сына. Тома, прижавшись к голой груди отца, потянулся пальчиком к Мин Джуну.

— Мама, иди сюда.

— Что случилось?

Белоснежная простыня едва прикрывала бёдра Дайки, обнажая линию таза. Мин Джун поспешно отвёл глаза вверх и пробормотал:

— Томе кошмар приснился. Захотел к папе... Это он сказал, не я. Честное слово.

— Я ничего и не говорил.

Обычно идеально зачёсанные назад волосы теперь падали на лоб, придавая ему ещё больше мужественности. Сердце Мин Джуна снова бешено забилося. Казалось, оно не выдержит до того, как его придавит тяжёлое тело хозяина дома.

— Поднимайся.

— Н-нет, лучше не надо...

Кровать в комнате Тома тоже была огромной — хватало, чтобы тот крутился всю ночь. Но постель Дайки была ещё просторнее. Казалось, если забиться в угол, он даже не заметит присутствия. Но Мин Джун боялся: вдруг рядом с Дайки его тело предаст?

— Не видишь? Тома сам зовёт тебя.

И правда, мальчик, уткнувшийся лицом в отцовскую грудь, тянул к Мин Джуну руку. Тот поспешно забрался на кровать и сел напротив.

— Томочка, уже не страшно?

— Какой кошмар приснился?

— Не знаю.

— Ты не спросил?

— Он плакал. Я не хотел, чтобы снова вспоминал. Примерно догадываюсь.

— Примерно?

— Говорил, что «му-у» делало «му-у». Наверное, шёл по дороге, увидел корову, она замычала и бросилась на него, вот он и убежал во сне.

Мин Джун объяснял, как мог. Дайки, слушая, снова ощутил, что речь у него всегда какая-то странная: будто слышишь только глаголы без подлежащего. Но удивительно, что Тома понимал каждое слово. Даже сейчас он кивнул и прижался щекой к его ладони.

Мин Джун улыбался, глядя на сына, а Дайки наблюдал за ними с переполнявшими его противоречивыми чувствами.

Растрепавшиеся волосы Мин Джуна липли к лицу, словно он весь вечер метался из-за ребёнка. Когда-то Кэнта говорил, что они с Томой словно давно знакомы — настолько хорошо понимают друг друга. Тогда Дайки считал, что это Кэнта стал чересчур сентиментален, ухаживая за ребёнком. Но сейчас он начинал понимать эти слова.

Мин Джун обладал кошачьими чертами и соблазнительным взглядом — но только когда молчал. Стоило ему заговорить или что-то сделать — и даже сам Дайки порой терял дар речи от его нелепости. Но в одном не сомневался: забота о Томе у него настоящая.

Вдруг Тома сел и усадил Мин Джуна рядом с Дайки. Их плечи соприкоснулись, и Мин Джун непроизвольно сглотнул так громко, что прозвучало на всю комнату. Это было рефлексом, против которого он был бессилён.

Дайки, заметив это, холодно произнёс, лишь пошевелив губами:

— Прекрати. Это неприятно.

— Извини...

Слова больно задели Мин Джуна. Конечно, никому не понравится, если мужчина жадно сглатывает при виде тебя. Но разве нужно было говорить это вслух? Он почувствовал себя униженным.

— Мама, я сон видел.

— Какой? — спросил Дайки.

Тома посмотрел на Мин Джуна. Это был знак — переспроси. Мин Джун отогнал мрачные мысли, широко раскрыл глаза и сделал вид, что очень заинтересован.

— Правда? Какой же сон?

Тогда Тома поднял руки вверх и стал кружиться, рассказывая:

— Огро-омная «му-у» пришла!

— «Му-у»?

— Телёнок, — тут же перевёл Мин Джун для Дайки.

— А потом Тома побежал вот так...

Тома на кровати сделал вид, что идёт. Потом запрыгал на месте, будто бежит.

— Му-му за мной прямо так и гналась, вот я и, и побежал.

— Понятно. Поэтому вспотел, да?

— Да. А потом му-му вот так сделала.

— Вот так?

Тома задвигал руками, будто сталкивал тарелки-цимбалы. Мин Джун секунд десять обдумывал это, а потом кивнул и сказал Дайки:

— Он говорит, что му-му вдруг превратилась в гамбургер.

— Что?

Обычно лицо Дайки было погружено в морскую глубину, но сейчас выражение резко сменилось на удивлённое, и он уставился на Мин Джуна.

— Думайте на уровне ребёнка.

Воодушевлённый растерянностью Дайки, Мин Джун обратился к Томе:

— Поэтому ты и убежал?

— Угу, му-му вот так стала и так сделала.

— Боже мой, как же это было страшно. Одно то, что внезапно появился телёнок, уже ужасно, а тут он ещё и в гамбургер превратился и стал гнаться. Как же это было страшно. Иди сюда, Тома, мама тебя обнимет.

Тома всхлипнул и бухнулся в объятия Мин Джуна.

Дайки не мог поверить. Сам он разобрал лишь «му-му» и «вот так», а Мин Джун из этого сочинил целую сказку. И Тома согласился! Когда Дайки посмотрел на него грозным взглядом, Мин Джун спокойно завёл речь о некоем месте под названием Чолла-до, что в Корее:

— В нашем Чолла-до любое слово начинается со «того-самого» и им же заканчивается. Можно сказать: «Я, значит, того-самого, а тут тот-самый пришёл и то-самое сделал, и прямо тот-самый день вышел». И все всё понимают. Ну, как-то так. Дайки, вам, если собираетесь растить ребёнка, стоит поднапрячься.

— За 22 года я вряд ли догоню твой детский уровень развития.

На это Мин Джун осмелился злобно сверкнуть глазами. Но признаться, что всё это из-за того,

что Дайки накричал, пока они ели гамбургеры, и Тома от испуга увидел кошмар — он так и не смог. Если бы сказал, вылетел бы из постели под неё.

Тома, зевая, прижался щекой к Мин Джуну. Похоже, клонило в сон.

— Тома спать будет. С папой вместе спать.

— А? Правда? Ну ладно, тогда ложись тут. Ничего?

— Дай его сюда. Я сам уложу.

— Н-нет, тут мама тоже спать будет. Папа, Тома хочет ручку вот так.

Тома взял руку Дайки и положил себе под голову. Наверное, хотел, чтобы тот сделал «подушку из руки». Мин Джун оказался в тупике. Как бы ни просил Тома, спать на одной кровати с Дайки было для него не менее опасно, чем сидеть голым напротив него. Уже сейчас от близости Дайки его начинала душить тревога, дыхание перехватывало. Если ляжет рядом — или инфаркт, или добровольная эвтаназия. Ну, в любом случае — конец.

Но Дайки, словно не замечая, лёг рядом, подложил руку Томе и глазами показал Мин Джуну, что нужно прилечь, пока Тома не уснёт. Пришлось послушно лечь на краешке кровати. Однако Тома, повизгивая, дёрнул Мин Джуну за руку:

— Не хочу. Мама тоже сюда ложись.

И показал на вторую руку Дайки.

— Ах! Н-нет... У мамы голова тяжёлая, это... то-самое...

— Будешь ещё бормотать, Тома не уснёт?

— Но...

— Быстро иди. Тома спать хочет.

Когда Тома начал хныкать, Мин Джун метнулся и положил голову на сильную руку Дайки. В месте соприкосновения будто огонь загорелся. Кто бы мог подумать, что утренний поцелуй приведёт сразу к совместному сну, да ещё и с опцией «подушка из руки».

Мин Джун изо всех сил пытался унять бурю в теле и крепко закрыл глаза. Если не смотреть на Дайки, можно представить, что это просто полено. Но следующие слова Дайки больно задели его — он уткнулся лицом в спину Томы и всхлипнул.

— Ты что, камень в голове таскаешь?

Сколько раз его называли «твердолобым», но сейчас он не смог отмахнуться. Люди порой забывают, что Мин Джун вообще-то студент Токийского университета.

— Если учесть миграцию населения на станции Чиба, торговый центр «Сэйкоу» стоит того, чтобы его выкупить, — Ицуки, докладывая Дайки результаты расследования, то и дело косился на стол. Даже адвокат Кадзума, сидевший рядом, явно был напряжён — то и дело поправлял очки на переносице.

<http://bllate.org/book/12398/1105528>